
Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА В ПРИЛОЖЕНИИ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОБЫТИЯМ XXI В.*

В настоящей вводной статье спецвыпуска предпринимается попытка уточнить некоторые положения теории революции с учетом революционных событий, произошедших в XXI в., и на основании этого усовершенствовать применяемую при создании нашей базы данных систему дефиниций.

Ключевые слова: теория революции, революционные события, аналог революции, контрреволюция, куволюция, цветная революция.

Существует множество исследований, посвященных теории революции, а также материалы, обобщающие некоторые аспекты революционного процесса XXI столетия (см., например: Гринин 2021; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021; Устюжанин и др. 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021), что избавляет нас от необходимости давать разъяснения по целому ряду вопросов теории революции (см. также наши пояснения [Гринин, Коротаев 2020]). Однако круг нерешенных проблем этой теории весьма велик, а многие случаи, описанные в настоящем спецвыпуске, являются столь сложными, что без теории, в том числе и без повторения ряда положений, о которых мы говорили в предыдущих наших работах (см., например: Гринин, Коротаев 2020; Гринин 2021; Устюжанин и др. 2021), никак не обойтись.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2023. Теория революции и методология анализа в приложении к революционным событиям XXI в. *История и современность* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01.

For citation: Grinin, L. E., Korotayev, A. V. 2023. Theory of Revolution and Methodology of Analysis Applied to Revolutionary Events of the 21st Century. *Istoriya i sovremennost'* = *History and Modernity* 3: 5–27. DOI: 10.30884/iis/2023.03.01 (in Russian).

История и современность, № 3, сентябрь 2023 5–27

DOI: 10.30884/iis/2023.03.01

С начала XXI в. по конец 2021 г. мы выделили 176 революционных событий разного типа (Устюжанин и др. 2021). Однако дополнительные углубленные исследования, несомненно, увеличат это число. Кроме того, революционные события постоянно продолжаются. Сказанное хорошо иллюстрирует научный поиск – новые исследования могут послужить основанием для изменения или уточнения прежних выводов.

Так, события на Фиджи 2000 г. (см.: Кайгородова 2023), известные как «антииндуистская» революция (начавшиеся с военного переворота и затем приведшие к законодательному закреплению у власти коренных фиджийцев-меланезийцев и запрету занимать должности переселенцам из Азии, индо-фиджийцам), в работе (Устюжанин и др. 2021: 131) обозначены как революционный эпизод, но это сложное в плане классификации его революционного типа событие скорее следует отнести к аналогам революции (см.: Кайгородова 2023). В процессе работы мы уточнили определение аналога революции, поскольку выделили два типа аналогов.

Как аналог революции обозначается революционное событие, характеризующееся особыми путями смещения правительства, что может быть достигнуто либо (1) путем государственного переворота¹, либо (2) путем выборов, но в обоих случаях предполагающих революционную массовую мобилизацию до или после свержения правительства. Однако в первом случае революционная массовая мобилизация происходит после свержения старой власти (в процессе общественно-политических преобразований), а во втором случае она наблюдается преимущественно на более ранней фазе (предшествующей свержению власти) и имеет в целом легальный характер².

Сущностно общим для революций и их аналогов являются значимые изменения в политических и социальных структурах во имя социальной справедливости, которые следуют за смещением старой власти.

Таким образом, и революции, и их аналоги являются революционными событиями, результатом которых становятся смена политического режима и глубокие преобразования в политико-социальной структуре. Различия заключаются в двух важных моментах:

¹ Это может быть военный или дворцовый переворот, заговор или, например, импичмент президента (см., например: Костин 2020б).

² Примером может служить нацистский аналог революции после 1933 г. с приходом А. Гитлера к власти путем выборов с предшествующей и последующей массовой мобилизацией.

1) способе смены правительства; 2) роли мобилизации масс в процессе смены власти (о мобилизации масс как важной составляющей революции см.: Голдстоун 2006, 2015; Гилли 2019; Tilly 1996).

Как можно видеть, анализируемые в этом номере журнала события на Фиджи (Кайгородова 2023) относятся к первому типу аналога революции. Однако этим же автором описан и аналог революции второго типа: это события на Мальдивах 2008 г. (Кайгородова 2021), когда в ходе готовившейся цветной революции удалось так активно мобилизовать массы в рамках легального поля, что оппозиция победила без насильственного свержения власти.

Дополнительно отметим, что аналог революции 2000 г. на Фиджи надо отнести к весьма редкому (тем более для XXI столетия) этносоциальному типу, когда социальное деление и баланс прав и обязанностей определяются по этнической принадлежности. Такого рода революции имели место в странах Балтии в 1991 г. при распаде СССР, когда законодательно были ограничены в правах русскоязычные жители Эстонии и Латвии. В случае Фиджи имело место еще и различие по религиозному признаку (фиджийцы христиане, а индо-фиджийцы – индуисты и мусульмане), но это не было существенным аспектом в обсуждаемых событиях. Однако в других случаях это до сих пор является весьма важным фактором (как, например, в период революционных событий в Северной Ирландии в 1969–1998 гг.). В материале о Кашмире, опубликованном в настоящем спецвыпуске (Галлямова 2023), можно увидеть, как с момента разделения Британской Индии на Индию и Пакистан различия в вероисповедании (основная часть индийского населения – индуисты, а 97 % жителей Кашмира – мусульмане) являются постоянным источником конфликтов и революционных событий в провинции³.

В материале о квазиреволюционном эпизоде в 2020–2021 гг. в Непале (Степанищева 2023) также содержатся упоминания о требованиях групп индуистов сделать Непал чисто индуистской страной, хотя там существуют значительные группы буддистов и му-

³ В работах (Кортаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Кортаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Кортаев, Зинькина и др. 2021) показано, как инспирированный проникновением радикалов раскол внутри исламской уммы на радикальную и традиционную исламскую ведет к росту революционно-террористических выступлений. Это объясняется тем, что радикалы требуют возврата к средневековому толкованию Корана, включая и обязательную войну с неверными (см. также: Гринин, Кортаев 2019; Гринин 2020в).

сульман, то есть фактически ограничить в правах неиндуистское меньшинство (как, кстати, пытается сделать и правительство Индии, что явилось важнейшим поводом для упомянутых революционных событий в Кашмире)⁴.

В (Гринин, Коротаев, Быканова 2020) авторы описывали революционные события без привязки к тому, относятся они к революционным волнам или нет. Это объяснялось как тем, что это был первый опыт такого анализа, так и тем, что теория волн XXI столетия нами к этому времени еще не была выработана (см. о ней: Goldstone *et al.* 2022; Гринин 2021; Устюжанин и др. 2021). Кратко повторим наши выводы.

Нами было выделено три волны для XXI столетия (о волнах XX в. см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021). Первая волна: цветные революции 2000–2009 гг. Вторая волна: Арабская весна и ее глобальное эхо, 2010/2011–2013 гг. Третья волна: 2018 г. – настоящее время – незавершенная. Все волны в своем происхождении были связаны с очень важными мир-системными событиями. При этом первая волна прошла на позитивном экономическом и политическом фоне, вторая – на негативном экономическом, а третья – на негативном экономическом и внешнеполитическом фоне. Все три волны были связаны с более или менее сильным внешним влиянием. Но в этом влиянии можно выделить три основных направления. Первое – попытки демократизации через различные структуры, контролируемые западными странами. Это было особенно заметно в первую волну, но прослеживается также во второй и третьей. Второе – геополитическая борьба, в которой участвовали как западные, так и ближневосточные страны (страны – объекты воздействия: Ливия, Сирия, Йемен, Мали). Это проявилось в основном во время второй волны. Третье – экспорт исламистско-террористической революции из регионов Сирии и Ирака в страны Тропической Африки, в ряд стран Ближнего и Среднего Востока, таких как Афганистан, Ливия, а также Юго-Восточной Азии. Это происходило во время второй волны и продолжается в третьей.

⁴ Попутно приводим определение квазиреволюционного эпизода. Это революционное событие, которое характеризуется тем, что есть массовая мобилизация, но нет требований свержения правительства или для целей свержения правительства и захвата власти не прилагается достаточных усилий (нет свидетельств, что имели место серьезные попытки свергнуть правительство и захватить власть). Мы уже описывали суть этого события в (Гринин, Коротаев 2020: 857), но здесь определение сделано более удобным.

Между второй и третьей волнами в течение пяти лет (2013–2017 гг.) также наблюдается достаточная революционная активность в мире, но без явных волн. Однако стоит сразу же отметить, что в зоне Сахеля и некоторых странах Ближнего Востока в это время продолжалась еще вторая волна. И возникла линия исламистских революций и восстаний 2013–2016 гг. (ИГИЛ⁵, «Боко Харам»⁵ в Нигерии, восстание радикальных исламистов АКАП в Йемене и т. д. [см., например: Filin *et al.* 2022; Гринин 2020б; 2020в]).

Остановимся на указанных волнах революций. Первая волна начинается в последний год XX в. с революции 2000–2001 гг. на Филиппинах и «бульдозерной революции» в Сербии/СРЮ. Волна включает в себя революции и революционные события в Грузии, на Мальдивах и Украине, в Ливане, Киргизии, Мьянме, Иране, Молдове. Реже к ним добавляют события в Африке, но для нашей темы важно учитывать революционные события к югу от Сахары в 2000-х гг.; в частности, это Сенегал (2000 г.), Мадагаскар (2001–2002 гг.), Того (2005 г.), Гвинея (2007–2010 гг.) и т. д.

Вторая волна: «арабская весна» и ее эхо, 2010/2011–2013 гг. В отличие от предыдущей волны, в конце 2000-х гг. мировая экономика находилась в кризисе; при этом имел место небывалый рост цен на продовольствие (агфляция), сыгравший особую роль в качестве триггера революционных событий на Ближнем Востоке. Для нашей темы особенно важно, что центр революционной активности находился в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но при этом революционная волна охватила многие страны за пределами этого региона. Помимо революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке волна включала ряд революционных событий в других частях мира, в том числе революционные движения без революций в передовых западных странах (Occupy Wall Street, Indignados и т. д.).

Основными чертами этой волны были: 1) быстрое распространение революций из страны в страну; 2) сильное культурное и языковое единство центрального региона волны и особая роль религиозно-этноконфессионального фактора; 3) особая роль образованной молодежи.

⁵ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории РФ.

Третья волна (2018 г. – н. в.) включает революции, революционные эпизоды и революционные движения без революций в Армении (2018 и 2020 гг.), Судане (2018–2019 гг.), Боливии (2019 и 2020 гг.), Алжире (2019 г.), Гонконге (2019–2020 г.), Чили (2019 г.), Киргизии (2020 г.), Ираке (2019 г.), Ливане (2019 г.), Иране (2019 г.), США (штурм Капитолия в 2021 г.), Франции («желтые жилеты», 2018–2020 гг.), Белоруссии (2020–2021 гг.), Боливии (2020 г.); Мьянме (2021 г.), Сомали (2020–2021 гг.), Эфиопии (2020–2021 гг., в Тыграе), Мали (2020–2021 гг.), Гаити (2021 г.), Колумбии (2021 г.), Палестине (2021 г.), Чаде (2021 г.).

На мир-системном уровне данная волна была связана с новым ухудшением ситуации в мировой экономике наряду с большей концентрацией богатства и большим неравенством, что во многих случаях приводило к снижению уровня жизни, росту цен и другим явлениям, которые объединяют эту волну с предыдущей. В 2020 г. добавляется COVID-19, что значительно ухудшает экономическую и социальную ситуацию (в частности, пандемия сыграла свою роль в революциях в Киргизии и Мали [Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021], а также в событиях в Боливии [Павлова 2023] и Непале [Степанищева 2023]; роль ковида в событиях последних двух стран хорошо проанализирована в настоящем спецвыпуске журнала).

Теперь имеет смысл дать пояснения к понятию волн революции.

Волна революций – это совокупность нескольких революций в разных странах, произошедших в сравнительно короткий срок (максимум 10 лет) и имеющих общие причины. По нашему мнению, только мощные мир-системные события или изменения, которые, конечно, имеют и культурно-идеологический аспект, способны стать источником революционных волн. Такими событиями могут быть мировая война, масштабный экономический кризис, затронувший много стран, мощная победоносная революция, развал/ослабление крупной империи или центра коалиции или что-то подобное. При этом то или иное мир-системное событие (например, мировая война) вместе с революциями несет и множество других перемен, поэтому революционная волна является только частью общего процесса изменений.

Мы предлагаем выделять революционные волны по следующим критериям: 1) реальная связанность событий в рамках Мир-Системы общей причиной, взаимным влиянием и т. п.; 2) количество революций не должно быть слишком малым (минимум четыре-пять, если это революции в достаточно крупных странах, боль-

ше – если в разных по значимости⁶); при этом нельзя считать революционной волной события лишь в рамках одного государства, как это делает, например, Колин Бек (Beck 2011) для событий на Балканах в 1870-х гг.; 3) ограниченный временной интервал революционных событий, не более 10 лет между началом первого и началом последнего события; 4) в один период может наблюдаться одна волна (а не три или четыре, как получается у Дж. Голдстоуна [2006]).

Рассмотрим вопрос о временных рамках. Иногда между такими событиями практически нет временного интервала. Их синхронность бывает удивительной: например, революции 1848–1849 гг. в Европе или антисоциалистические революции в 1989 г. Иногда временной лаг больше (как в волне 1905–1911 гг.). Но, по нашему мнению, длительность волны от начала первой революции до начала последней не может быть больше 10 лет, иначе это уже будет не волна, а цепочка революций.

Стоит указать на такую особенность, которая весьма существенна при анализе волн. Когда революции случаются в крупных и/или многоэтничных обществах имперского типа (каковыми были царская Россия или Австро-Венгрия) или с государственно-автономным делением по национальному признаку (как в СССР или Югославии), то революция в них (или их резкое ослабление, коллапс) вызывает своего рода местную волну революций в национальных автономиях или на территориях; их стоило бы выделять как кустовые революции. Многие из таких революций учтены нами в отношении России (1917–1921 гг.); Австро-Венгрии (1918–1919 гг.), СССР (1991–1992 гг.) и Югославии (1989–1992 гг.). Очевидно, что кустовые революции XX в. являлись составной частью соответствующих волн (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020: рис. 7)⁷.

Перед авторами ряда статей данного спецвыпуска была поставлена задача связать описываемые ими события с той или иной из трех волн и соответственно показать преломление общих черт выбранной волны в описываемом событии (например, в Белоруссии [Клочкова 2023]) либо пояснить, что событие не включается ни в одну из волн (например, уже упомянутые Фиджи [Кайгородова 2023] или Северная Македония [Костин 2023]).

⁶ Между тем К. Бек полагает, что для определения волны нужны как минимум две революции, чего явно мало (Beck 2011: 195).

⁷ Подробнее о волнах революций см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020, 2021; Goldstone *et al.* 2022; Grinin 2022; Grinin L., Grinin A. 2022.

Перед авторами были поставлены и дополнительные задачи, а именно: определять, происходило анализируемое событие в рамках революционной/смутной эпохи (см. ниже) или нет.

Революционные эпохи. В рамках анализа событий мы также выделяем такое понятие, как *революционная эпоха*. Это эпоха, которая открывается революцией или аналогом революции (обычно крупного масштаба). Это длительная полоса перемен, в которой происходят революции, революционные изменения, контрреволюции, различные революционные эпизоды, связанные с борьбой различных политических и социальных сил за политический/социальный курс, власть и пр. Революционная эпоха, некоторые ее характеристики описаны в: Grinin L., Grinin A. 2022 (о Венесуэле см.: Костин 2020а). В связи с понятием *революционная эпоха* важно также иметь в виду, что революционные события, которые происходят в течение революционной эпохи, нужно характеризовать как *связанные*, а революционные события, случившиеся в другие периоды, – как *самостоятельные*.

Революционная эпоха может быть периодом достаточно частых социальных и политических боев, перемежаясь заговорами, контрреволюциями, массовыми акциями и т. п. Но это может быть и эпоха, которая открывается и закрывается революцией (революциями). При этом после революции, открывшей революционную эпоху, может не быть ожесточенных социально-политических открытых конфликтов, но (а) должны наблюдаться заметные перемены и трансформации; (б) новая революция должна быть явственно связана с первой. Возможно, таким примером является революционная эпоха в Бolivии, где после революции 2003 г. и прихода к власти Эво Моралеса произошли заметные перемены в области расширения прав коренных народов (кечуа и аймара), а также социальных и политических реформ. А в ходе революции 2019 г. Моралес был свергнут, и к власти пришли правые силы (временным президентом была назначена Жанин Аньес). Но в 2020 г. в стране возникла мощная протестная волна, которая в итоге вновь привела к власти силы, связанные с Эво Моралесом. Президентом стал Луис Арсе, бывший министр экономики и сторонник Моралеса. Жанин Аньес была задержана по обвинению в организации военного переворота 2019 г. против Моралеса и заключена в тюрьму, где пыталась покончить жизнь самоубийством (подробнее см.: Павлова 2023).

По результатам события 2020 г. в Бolivии скорее соответствуют понятию «революция». Но поскольку они были ответом на ре-

волюцию 2019 г. и теснейше с ней связаны, то назвать ее так нельзя: обычно одна революция не следует сразу за другой, такие перемены в рамках революции называются ее стадиями. Назвать это контрреволюцией также сложно, как и революционным эпизодом (поскольку эпизод привел к свержению правительства, а это уже революция), хотя и вполне допустимо с учетом, что данные события происходят в процессе революционной эпохи. Более точным было бы сказать, что 2020 г. – это новая стадия боливийской революции, начатой в 2019 г., а революционная эпоха в Боливии, судя по всему, продолжается.

Общеизвестно, что в разных странах процесс коренных изменений часто (или даже как правило) не заканчивается одной революцией, тем более если последняя терпит поражение. Революции сменяются мирными периодами, которые по факту часто бывают временем контрреволюций и диктатур. Но поскольку проблемы, вызвавшие революцию, не удается решить полностью, по прошествии определенного времени возникает новая революция (а иногда две или даже три). В такой ситуации можно говорить о революционной эпохе. Но для определения революционной эпохи, на наш взгляд, все же имеет смысл исходить из того, что революции в ней логически и идеологически связаны между собой. В этом случае каждая следующая революция являет собой новую попытку решить не улаженные предыдущими революциями проблемы и противоречия (именно так были связаны революции 1905 и 1917 гг. в России), либо следующая революция органично вытекает из логики предыдущей (как было с китайскими революциями 1911, 1925–1927 и 1946–1949 гг.). Такую связь, однако, не всегда легко установить. Так, тесной связи между младотурецкой (1908 г.) и кемалистской (1918–1923 гг.) революциями, на первый взгляд, не наблюдается. Тем не менее обе имели общее идеологическое ядро и общие задачи: необходимость модернизации и усиления страны.

О революционных эпохах в отношении революций Нового времени можно говорить с начала XVI в., то есть начиная с эпохи Реформации в Германии, Швейцарии, Франции и других странах, Нидерландской революции. Период с 1640 по 1688 г. отражает революционную эпоху в истории Англии. В XIX в. Франция и Испания представляли собой страны с длительным периодом революционных преобразований.

Второй (или последующей) в революционную эпоху может быть не классическая революция, а другие события, которые вполне

вписываются в начавшийся период насильственных трансформаций, но имеют несколько иные формы или природу. В этом случае можно говорить о *революционно-трансформационных эпохах*. Так, например, после первой фазы революционной эпохи в 1918–1923 гг. в Германии (во время которой имело место множество революционных событий в разных частях страны) наступил период стабилизации. Однако с 1930 г. ситуация ухудшилась и обострилась в связи с разразившимся кризисом, неудовлетворенностью Версальским миром и внутренними конфронтациями между правыми и левыми, а также другими силами. Как известно, в 1933 г. к власти пришла нацистская партия (НСДАП) во главе с А. Гитлером. В итоге началась нацистская революция. Но поскольку нацисты пришли к власти в результате демократических выборов, а политический строй был изменен уже в процессе правления Гитлера и внешне демократическим путем, уместно говорить об аналоге революции. А так как итогом нацизма стали проигранная война и оккупация Германии, то революционная эпоха в некотором роде продолжалась, поскольку оккупационные власти провели глубокие (по сути, революционные) изменения на оккупированных территориях (соответственно, разные в западной и советской зонах). В этом плане – если рассматривать более широкий контекст – революционная эпоха в Германии закончилась только в 1949 г., когда были созданы немецкие государства. В некоторых случаях процесс коренных трансформаций в обществе совершается комбинированно: путем революций снизу и изменений сверху, равных по значимости революциям. Именно так были созданы единые государства в Германии и Италии в XIX в.

В связи со сказанным важно отметить удлинение революционных эпох в XX столетии. Дело в том, что сдвиг революций из центра Мир-Системы к ее полупериферии и периферии существенно изменял и характер революционных эпох. Разницу в характере протекания революций в обществах, более и менее близких к ядру Мир-Системы, можно заметить уже в XIX в. Так, революционная эпоха во Франции представляла несколько революций (с 1830 по 1871 г.), разделенных устойчивыми эпохами, при этом последняя революция уже не только легко победила, но и оказалась в состоянии удержать революционные завоевания. Революционная эпоха в не столь близкой к центру Мир-Системы Испании (с 1808 по 1874 г.) была в этом смысле менее удачной, так как не решила ряд важнейших проблем (что и стало причиной революции 1931–1939 гг.).

Еще менее удачными были революционные эпохи в периферийной Латинской Америке, где они перемежались постоянными военными переворотами, диктатурами и войнами. В связи с увеличением их продолжительности революционные эпохи в странах революций XX в. стали периодом колоссальных и очень тяжелых перемен, при этом цена революций все существеннее превышала их реальный результат в отношении прогресса. Кроме того, в XX в. к революционным эпохам в целом ряде случаев, особенно в связи с социалистическими революциями, добавился период послереволюционной ломки, и эти периоды могли длиться десятилетиями.

Целый ряд событий, описанных в статьях настоящего спецвыпуска, развивался в рамках революционной эпохи: в Боливии, на Фиджи, в Непале; сложнее сказать о Кашмире, но там также явно вырисовывается сложная эпоха, причем очень длительная.

Исключительно важно осознавать, что понять революционное событие, происходящее в рамках революционной эпохи, можно, только поняв логику и ход этой эпохи, где отдельные события являются ее составными частями. Отдельные (вне эпохи) революционные события определить легче, чем в рамках эпохи.

Что касается Кашмира (см.: Галлямова 2023), мы считаем, что там сложно говорить о революционной эпохе (поскольку она должна открыться революцией, а таковой в Джамму и Кашмире не было). Ситуация в Кашмире – это, вероятно, пример того, что можно назвать непрерывной общей революционной ситуацией, которая в случае обострения перерастает в непосредственную революционную ситуацию. Что можно назвать революционной ситуацией? В теории здесь далеко не все просто, но для облегчения восприятия мы приводим собственную схему, показывающую определенный путь от роста недовольства и проблем к революции (рис. 1 на с. 16). Если вы посмотрите на схему, то увидите, что путь до революции довольно долог. Сначала под влиянием различных указанных противоречий и факторов должна сложиться общая революционная ситуация, в результате которой наблюдаются устойчивый раскол в обществе и стремление одной его части изменить ситуацию в свою пользу тем или иным путем, причем необязательно легитимным.

Такая ситуация может существовать довольно долго, то обостряясь, то успокаиваясь. Но в какой-то момент ухудшение обстановки ведет к возникновению предкризисной ситуации, в процессе которой то или иное событие может запустить лавину (триггерное

событие), и тогда возникает непосредственная революционная ситуация, от которой путь к революции уже, несомненно, ближе (см.: Гринин 2020а: 41; Grinin 2022).

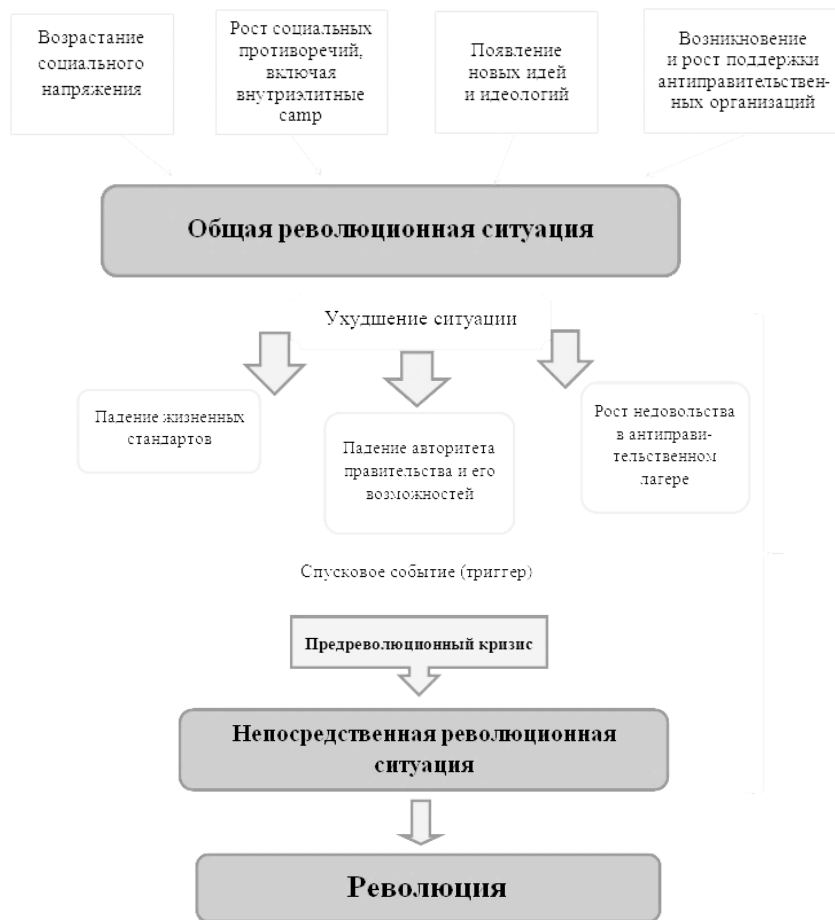

Рис. 1. Общая революционная ситуация (Гринин 2020а).

Одними из условий для возникновения непосредственной революционной ситуации являются: 1) непримиримые противоречия в отношении культуры, религии, языка, отсутствия прав и т. п. между центром и провинцией – это как раз случай Кашмира, где усиление давления центра вызывает всплеск протестов; 2) негибкость (неуступчивость) поведения правящей элиты как фактор, в итоге ведущий к революционной дестабилизации; 3) характери-

стика режима – он должен терять авторитет и быть недостаточно репрессивным, бояться репрессий. А у протестующих такое поведение власти, напротив, вызывает чувство победы, ощущение вседозволенности, отсутствие страха. В результате революционное движение может резко усилиться, и эта черта в последних протестах проявилась очень ярко. Республиканцы боятся репрессий и жесткого подавления бунтов (а там, где такие попытки предпринимаются, они оказываются неэффективными). Демократы же и вовсе явно выступают против этого. «Понять, простить и каяться» – вот их слоган.

Для формирования непосредственной революционной ситуации, то есть накопления горючего материала в обществе в большом количестве, нужно, чтобы «из искры возгорелось пламя». Иными словами, требуется эта самая «искра», триггер, то есть повод, причина, случай, который разжигает недовольство. При накоплении недовольства неудивительно, что таким триггером может стать практически любое событие. Но тем не менее он не всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Вот почему революционеры нередко прибегают к провокациям, чтобы создать повод для протестов.

Эпохи смут и революций. Однако за революцией может наступить не новый (или вернуться прежний) порядок, а период, когда в стране надолго теряется централизация: значение центральной власти, если таковая есть, резко падает либо страна вообще распадается на ряд территорий, государств или политий, ни одна из которых не имеет силы, чтобы стать победительницей и объединить страну. Наступает период власти сильного, военной и политической анархии, времени, когда, говоря словами Мао Цзэдуна, только «винтовка рождает власть». При этом революционная риторика может существенно ослабевать, заменяясь риторикой сильного.

Значительное ослабление центральной власти наряду с усилением иностранного вмешательства (особенно активизировавшегося во время Первой мировой войны и Гражданской войны в России) имело место, например, в Персии после 1911 г. Но страна все же не распалась. И полоса децентрализации и анархии завершилась в 1925 г., когда Реза-хан был объявлен наследным шахом Ирана под именем Реза-шаха Пехлеви. Зато Китай после революции 1911–1913 гг., неудачной попытки Юань Шикая провозгласить себя императором и его смерти в 1916 г. распался на ряд территорий.

Наступило, если использовать русский исторический термин, «смутное время». Оно было прервано новой революцией 1925–1927 гг. во главе с Гоминьданом. Революция прошла по Китаю, и северный поход Чан Кайши привел к объединению страны. После 1928 г. наступил период некоторого порядка, но очень скоро, уже с 1931 г., он вновь сменился беспорядком, связанным с созданием в Китае коммунистического государства, а затем с войной 1937 г. против Японии, разрастающейся гражданской войной с коммунистами и др. Этот период продолжался до 1949 г., когда коммунисты победили в гражданской войне. Таким образом, с 1911 до 1949 г. мы наблюдаем в Китае длительную эпоху смут и революций.

Эпоха смут и революций характерна и для ряда других стран, например Ливии и особенно Афганистана; она едва закончилась (если закончилась) в Мьянме и Сомали; по сути, имеет место в северных регионах Мали и смежных областях Сахеля (где поначалу действовали туарегские националисты, а теперь – террористические революционные радикалы-исламисты [Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021]), а также на Гаити.

Периоды контрреволюционных диктатур и контрреволюционных преобразований. Режим диктатуры может установиться в результате разных событий. Распространенным случаем будет установление диктатуры в результате успешной революции, что мы видим, как правило, после социалистических революций. Фашистская диктатура Б. Муссолини в Италии возникла в результате победившей там национал-социалистической революции 1922–1926 гг. Но революция (революционная эпоха или эпоха смут и революций) может завершиться и победой консервативных сил. В этом случае устанавливается правая диктатура, в рамках которой проводятся и преобразования. Они также обычно направлены на модернизацию страны.

В качестве примера мы приводили выше диктатуру Ф. Франко. Не столь яркий пример – близкая к фашистской диктатура А. ди Салазара в Португалии, пытавшегося создать корпоративное государство по примеру Муссолини. В Чили диктатура А. Пиночета установилась в результате контрреволюционного переворота 1973 г., который остановил развитие того, что можно назвать аналогом социалистической революции в Чили (аналогом, так как свергнутый

президент С. Альянде пришел к власти законным путем). Преобразования А. Пиночета также имели характер модернизационных. К похожему типу можно отнести и преобразования в результате деятельности монархов, пришедших на гребне или по окончании революций. В XIX в. таким был Наполеон III, в XX в. вышеупомянутый Реза-шах Пехлеви провел ряд важных реформ в Персии (которую с его подачи стали во всем мире официально называть Ираном). Один из новейших примеров – контрреволюция (включившая в себя и военный переворот) в Египте в июне – июле 2013 г., которая случилась на гребне нового подъема египетской революции; она привела к фактическому возврату к дореволюционной ситуации: власти военных и военному положению, запрету исламистской, да и иной оппозиции (об этом перевороте см.: Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2014; Grinin, Korotayev 2022). Но революционный процесс, а по факту – революционная эпоха, в Египте продолжается.

Таким образом, очень важно понимать, что контрреволюция: (а) вовсе не обязательно приобретает отрицательную коннотацию – как и термин «революция», она может означать позитивные и негативные изменения, вести страну к прогрессу или в тупик, приводить к улучшению качества жизни или ее ухудшению; (б) это один из возможных и весьма распространенных сценариев развития революционного процесса, а если этот процесс удлиняется – то революционной эпохи. А поскольку контрреволюционный разворот часто происходит в результате вмешательства армии и военных переворотов, то это можно назвать *обратной куволуцией* (см. ниже).

Исходя из вышесказанного, стоит привести дополнительную классификацию.

Типы революций по форме и силам, ее совершающим:

Гражданская революция (с двумя подвидами: гражданская мирная или в основном мирная и смешанная, когда военные становятся важной частью революции, но переходя на ее сторону – как во время Февральской революции 1917 г.), *военная революция* (когда революцию начинают и ведут в основном профессиональные военные с опорой на поддержку населения), революционная герилья (военно-партизанская революция), террористическая революция

ция⁸; *куволюция* (гражданская, завершающаяся военным переворотом [подробнее о куволуциях см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021]) или *гражданско-военная революция*.

Материал о Фиджи дает целый ряд интересных примеров событий. В частности, события 2006 г. можно определить как военную революцию.

Куволуция – достаточно специфический тип революционных процессов, когда революционная массовая мобилизация на первой фазе сопровождается военным переворотом на второй фазе революционного процесса; при этом в ходе данного переворота реализуются многие требования участников первой фазы куволуционного процесса. Для обозначения военного переворота второй фазы куволуционного процесса предложено специальное обозначение – «эндшпильный переворот» (*endgame coup*) (Koehler, Albrecht 2021; подробнее о куволуциях см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021)⁹.

Обратной куволуцией можно назвать контрреволюционные выступления, которые завершаются военным переворотом. И такой случай описан на Мальдивах в 2012 г. В Египте революционная и контрреволюционная мобилизации совпали в одном событии, завершившемся военным переворотом.

Закончим комментарий следующими пояснениями. Многие современные революции получили название цветных. Среди описанных в настоящем спецвыпуске это события в Белоруссии, Македонии, а возможно, и в Боливии в 2019 г., которым посвящена статья А. И. Павловой.

Перед авторами ставилась задача определить, можно ли отнести те или иные события к «цветным» революционным событиям. В этом случае надо оценить события по критериям, дан-

⁸ Подобные события в отношении стран Сахеля описаны в: Гринин 2020б; Коротаев, Бобарыкина, Хохлова 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Зинькина и др. 2021.

⁹ Впервые, насколько нам известно, понятие «куволюция» (*coupvolution* или *coup-volution*, образовано от слов *coup* [«переворот»] и *revolution* [«революция»]) было применено для описаний событий 2011 г. в Египте (Toronto 2011; Springborg 2015, 2016). Но оно было, естественно, использовано и для описания египетских событий 2013 г. (см., например: Moll 2014). Этот термин был также применен при анализе событий 2019 г. в Боливии (Cassell 2021). М. Р. Бейсинджер предложил называть так и события 2018–2019 гг. в Судане (Beissinger 2019). Но с подобной оценкой событий в Египте и Боливии мы не вполне согласны.

ным для цветной революции. Последняя не является особым типом революции наряду с демократической, социальной или социалистической. Каждая из них может быть цветной. (По сути, СССР также устраивал цветные социалистические революции, где мог.) Но это важная характеристика, показывающая вмешательство извне, движущие силы революции, понимание ее логики, хода, лозунгов, ее возможности победить самостоятельно, поскольку шансы цветной революции на победу без поддержки извне резко уменьшаются.

Все революции, следовательно, в основном можно разделить на эндогенные и экзогенные. Цветная революция – экзогенная. Но далеко не каждая экзогенная революция является цветной.

Цветная революция – это революционное событие, которое происходит хотя и под влиянием внутреннего развития, кризиса, складывания революционной ситуации, оправданного недовольства правительством и т. п., но обязательно: (а) при сильном кураторстве (обучении, разработке стратегии и тактики, разнообразной помощи, включая предоставление убежища, ресурсов и т. п.) иностранных держав, политических сил или организаций, поддерживаемых извне; (б) безусловной поддержке со стороны иностранных сил революционных акций, независимо от действий революционеров, путем дипломатического, информационного, иного (например, санкционного) давления на страну, в которой происходят революционные события; (в) в интересах иностранных союзников и кураторов революции: обязательно имеется стремление получить военно-стратегические, геополитические, экономические дивиденды¹⁰, но при этом реальные последствия победы (или поражения) революции в конкретной стране, ее судьба, интересы ее населения в целом иностранных кураторов не интересуют, они к ним безразличны, а иногда даже заинтересованы в дезорганизации, коллапсе страны¹¹.

¹⁰ Например, в Северной Македонии (Костин 2023) была типичная цветная революция, причиной активизации там революционных событий стало желание включить страну в НАТО.

¹¹ Например, Ливия, так как ни западные страны, ни страны Залива не были заинтересованы в наличии там твердой власти. Результат – развал страны и гражданская война.

Шансы на победу цветной революции без поддержки извне резко уменьшаются. Поэтому такие революции «арабской весны», как тунисская, египетская, несмотря на помощь иностранных соцсетей и медиа, нельзя назвать цветными, они победили в целом самостоятельно. Революция в Ливии не смогла бы победить без иностранной помощи, но она тоже являлась не цветной, а экспортной («на штыках», только вместо штыков уже действовала авиация) военной революцией, которой оказывали военную помощь. А цветные революции, как правило, мирные либо нацеленные на мирное течение.

Кроме того, очень важным признаком цветной революции является то, что она, как правило, происходит в стране с гибридным режимом, где есть выборы, парламент, президент и т. п., существуют имитация демократии и некоторые свободы¹². А в Ливии была типичная автократия революционного лидера М. Каддафи.

Как правило, *лозунгами таких цветных революций являются*: а) демократизация страны, выборов и т. п.; б) отставка (свержение, уход и т. п.) автократа, который долго находится у власти¹³; в) обвинение власти в коррупции (как правило, полностью справедливое) и требование обновления; г) обвинение в подтасовке выборов (это наиболее частая причина и повод для революционных действий), требование признать победу лидера оппозиции (при этом последняя нацелена на то, чтобы требовать победы своего кандидата еще до выборов, и даже если он действительно проиграл, никогда этого не признает)¹⁴; д) довольно частое требование – ориентация на Запад, разрыв с Россией и т. п. Их *особенности*:

¹² Согласно Л. А. Митчеллу, «цветные революции не были случаями свержения диктатур массовыми народными движениями. Они менее драматично и лучше воспринимаются как революции в полудемократических режимах, которые со временем становились все более коррумпированными и слабыми, будучи свергнутыми в основном мирными демонстрантами, чтобы к власти пришли альтернативные лидеры, которые когда-то были частью режима» (Mitchell 2022: 437).

¹³ Но не всегда. На Украине, скажем, в 2014 г. свергли законно (без нарушений) избранного и проводившего свой первый срок на посту президента Виктора Януковича.

¹⁴ В Белоруссии подсчитали голоса за С. Тихановскую задолго до выборов, и также до выборов фактически объявили ее победительницей (Клочкова 2021).

а) активное участие молодежи¹⁵; б) стремление к мирной победе; в) наличие выразительного символа¹⁶.

В этом выпуске были выделены также новые типы революционных событий. В частности, в статье М. С. Костина о Северной Македонии (Костин 2023) выделен *этнополитический* тип революции, когда в разделенной по этническому признаку стране резко усиливается проблема идентификации, то есть определения внешнеполитического курса. В какой-то мере это напоминает ситуацию на Украине в 2013 г., когда перед страной стоял выбор между ориентацией на Западную Европу или на Евразийский союз.

Литература

Галлямова, А. А. 2023. Дхамму и Кашмир. Революционный эпизод / протесты против отмены автономии штата и особых статей в Конституции в 2019 году. *История и современность* 3: 87–97.

Голдстоун, Дж. А.

2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5(56): 58–103.

2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Гринин, Л. Е.

2020а. О возможности революционной ситуации в США. В: Гринин, Л. Е., Кортаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 33–49.

2020б. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Кортаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

¹⁵ Согласно Л. А. Митчеллу, «одним из ключевых компонентов модели “цветной революции” была роль молодежных движений» (Mitchell 2022: 435). Но не всегда, на Украине в 2014 г. молодежные движения важной роли не играли.

¹⁶ Это могут быть самые разные предметы, символы: бульдозер (как в Сербии 2000 г.); цветок («революция роз» в Грузии в 2003 г.), цвет («оранжевая революция» на Украине в 2004 г.), зонтики (в Гонконге в 2014 г.). В Белоруссии пытались для этого использовать тапочки. Антиправительственные протестующие держали в руках домашние тапки в знак протеста против режима. Использование данного атрибута напрямую связано с ироничным прозвищем «Таракан», изначально полученным президентом Александром Лукашенко от Сергея Тихановского и позже подхваченным массами (Клочкова 2021).

2020в. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 829–853.

2021. Новая волна революционных процессов в афразийской макроне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 70–89.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.

2021. Революции XX века: общие причины и классификация. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 36–69.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2019. *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Учитель.

2020. Методологические пояснения к исследованию революционных событий. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. С. 854–861.

Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2014. Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа. *Азия и Африка сегодня* 2: 14–20.

Кайгородова, М. Е.

2021. Революционные события в Мальдивской Республике в XXI веке: предпосылки, хронология, последствия. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 682–695.

2023. Революционные и квазиреволюционные события XXI века на Фиджи. *История и современность* 4: 139–148.

Клочкова, И. П. 2023. Белорусская революция 2020–2021 гг. *История и современность* 3: 73–86.

Коротаев, А. В., Бобарыкина, Д. А., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Верхней Вольте / Буркина-Фасо (1960–2021 гг.).

В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Хохлова, А. А., Лиюкумович, Я. Б. 2021. Революционные и квазиреволюционные процессы в Нигере. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 416–450.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М. 2014. Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.

Коротаев, А. В., Лиюкумович, Я. Б., Хохлова, А. А. 2021. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12. *Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст*. Волгоград: Учитель. С. 329–370.

Костин, М. С.

2020а. Венесуэла: революционные события на фоне продолжающейся революционной эпохи (1998–2020). В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. Волгоград: Учитель. С. 878–890.

2020б. «Уксусная революция» 2013–2016 гг. в Бразилии. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 891–898.

2023. «Красочная революция» 2015–2016 гг. в Северной Македонии. *История и современность* 3: 55–72.

Павлова, А. И. 2023. Революционный эпизод в Боливии (июль – ноябрь 2020 г.) в ретроспективе революционной эпохи. *История и современность* 3: 123–138.

Степанищева, Я. В. 2023. Выступления за восстановление монархии в Непале (декабрь 2020 – январь 2021 гг.). *История и современность* 3: 98–106.

Тилли, Ч. 2019. *От мобилизации к революции*. М.: Изд. дом ВШЭ.

Устюжанин, В. В., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2021. Революционные события XXI века в афразийской макроне нестабильности и некоторых других мир-системных зонах: предварительный количественный анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Си-*

темный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 12. Революционные процессы в афразийской макроразоне нестабильности и их глобальный контекст. Волгоград: Учитель. С. 106–144.

Beck, C. J. 2011. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention. *Social Science History* 35(2): 167–207. DOI: 10.1017/S0145553200011482.

Beissinger, M. R. 2019. Personal Communication of 26 October 2019.

Cassell, K. J. 2021. *Representation in the Americas: Perceptions of External Efficacy in the 2018/19*. Nashville, TN: Vanderbilt University.

Filin, N., Fahmy, S., Khodunov, A., Koklikov, V. 2022. Two Experiences of Islamic “Revival”: The 1979 Islamic Revolution in Iran and the Formation of the “Islamic State” in Syria and Iraq in the 2010s. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 813–849. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_33.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.

Grinin, L. 2022. On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 69–104. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_3.

Grinin, L., Grinin, A. 2022. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 315–388. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_12.

Grinin, L., Korotayev, A. 2022. Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 105–136. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_4.

Koehler, K., Albrecht, H. 2021. Revolutions and the Military: Endgame Coups, Instability, and Prospects for Democracy. *Armed Forces & Society* 47(1): 148–176.

Mitchell, L. A. 2022. The Color Revolutions. Successes and Limitations of Non-violent Protest. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 105–138. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_12.

Moll, Y. 2014. The Wretched Revolution. *Middle East Report* 273: 34–39.

Springborg, R.

2015. *President Sisi's Delegative Authoritarianism*. Rome: Istituto affari internazionali.

2016. Caudillismo along the Nile. *The International Spectator* 51(1): 74–85.

Tilly, C. 1996. *European Revolutions: 1492–1992*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Toronto, N. W. 2011. Egypt's "Coup-volution". *Middle East Insights* 6: 7–12.